

УДК 821.131.1.0

<https://doi.org/10.25587/2782-6635-2026-2-16-30>

Оригинальная научная статья

Становление женских образов в творчестве Юрия Рытхэу: истоки, мифопоэтика

А. С. Жулева

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской Академии наук,
Москва, Российская Федерация

✉ aszhuleva@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию процесса становления образной системы в творчестве чукотского писателя Юрия Сергеевича Рытхэу (1930-2008), формированию женских образов в произведениях разных жанров (рассказы, повести, романы). Осуществлены текстовый и контекстный анализы рассказов «Отлек» и «Тэгрыне едет в Хабаровск», повести «Когда киты уходят», романов «Последний шаман», «Скитания Анны Одинцовой» и книги-словаря «Дорожный лексикон». Комплексный подход позволил проявить истоки и особенности смыслопорождения и этноспецифику характера героинь–персонажей. Привлечены мифы и фольклор (сказки, предания), раскрыта символика архетипов, их трансформация в литературных произведениях чукотского автора. Рассмотрены бессознательно и осознанно используемые архетипы и выделены типы героинь: первоженщина, мать, созидательница мира людей, правительница, наставница, труженица, маг и ряд других, связанных с их жизнью и поступками: слово, лес, дерево, труд и др. Постижению многосложного процесса образотворчества в произведениях чукотского автора способствовало обращение к материалам этнологов и лингвистов – участников создания разработки алфавитов, письменности, первых учебных книг, в создании которых принимал участие и Рытхэу. Высвечены с опорой на компаративизм роль и значимость русской литературы и писателей, как классиков, так и современников. В своем творчестве Юрий Рытхэу представил в процессе создания женских образов вариант эволюционного развития чукотского народа, активизировал гендерные проблемы, связанные с женским началом, представив их через призму архетипов и процесса индивидуации. Создавая образ идеальной женщины, возрождая женское начало, сочетающее мужество быть и сострадательность как качества сильного Эго, он не преследовал целей доминирования, опираясь на идеальную партнерскую модель. Чукотский писатель внес ценный вклад в поддержку современного возрождения гиноцентрического (ориентированного на женщин) общества. Архетипические аспекты в создании образной системы в творчестве Рытхэу, связанные с духовным развитием личности, предполагают их дальнейшее исследование.

Ключевые слова: чукотская проза, чукотский рассказ, чукотская повесть, чукотский роман, Юрий Рытхэу, мифологическое мировосприятие, женские образы, архетипы, художественная трансформация, транскulturация

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Жулева А. С. Становление женских образов в творчестве Юрия Рытхэу: истоки, мифопоэтика. *Вопросы национальных литератур. Issues of National Literature*. 2026, № 2 (22). С. 16–30. DOI: 10.25587/2782-6635-2026-2-16-30

Original article

The restoration of female images in the works of Yuri Rytkheu: the origins, mythopoetics

A. S. Zhuleva

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
✉ aszhuleva@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the process of formation of the figurative system in the works of the Chukchi writer Yuri Sergeevich Rytkheu (1930-2008), the formation of female images in works of various genres (short stories, novellas, novels). Textual and contextual analyses of the short stories "Otlek" and "Tegryne goes to Khabarovsk", the novella "When the Whales leave", the novels "The Last Shaman", "The Wanderings of Anna Odintsovo" and the dictionary book "Road Lexicon" were carried out. An integrated approach made it possible to reveal the origins and features of the meaning generation and the ethnospecific character of the heroines. Myths and folklore (fairy tales, legends) are involved, the symbolism of archetypes and their transformation in the literary works of the Chukchi author are revealed. The archetypes used unconsciously and consciously are considered and the types of heroines are highlighted: the virgin, the mother, the creator of the human world, the ruler, the mentor, the worker, the magician and a number of others related to their lives and deeds: the word, the forest, the tree, labor, etc. The understanding of the complex process of image-making in the Chukchi author's knowledge was facilitated by referring to the materials of ethnologists and linguists who participated in the creation of alphabets, writing, and the first educational books, in the creation of which Rytkheu participated. The role and importance of Russian literature and writers, both classics and contemporaries, are highlighted based on comparativism. In his work, Yuri Rytkheu presented a variant of the evolutionary development of the Chukchi people in the process of creating female images, activated gender issues related to the feminine principle, presenting them through the prism of archetypes and the process of individuation. Creating the image of an ideal woman, reviving the feminine principle, combining the courage to be and compassion as qualities of a strong Ego, he did not pursue the goals of domination, relying on the ideal partner model. The Chukchi writer has made a valuable contribution to supporting the modern gynocentric (women-oriented) renaissance societies. The archetypal aspects in the creation of an imaginative system in the work of Rytkheu, related to the spiritual development of a personality, require further research.

Keywords: Chukchi prose, Chukchi story, Chukchi tale, Chukchi novel, Yuri Rytkheu, mythological worldview, female images, archetypes, artistic transformation, transculturation

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Zhuleva A. S. The restoration of female images in the works of Yuri Rytkheu: the origins, mythopoetics. *Issues of National Literature*. 2026, No. 2 (22). Pp. 16–30. DOI: 10.25587/2782-6635-2026-2-16-30

Введение

Становление образа в литературе — это многосложный процесс формирования художественного образа, который включает в себя как творческую работу автора, так и взаимодействие с читателем и культурным контекстом. Категория художественный образ — одна из самых многогранных и не вполне разгаданных категорий не только в литературоведении, но и в философии, искусствоведении.

Это не мысль и не чувство, взятые отдельно и сами по себе, а «чувствуемая мысль» (А. С. Пушкин). Рассматривая развитие теории образа искусства, начиная с Платона и Аристотеля, в книге «Жизнь художественного сознания. Очерки по истории образа» Г. Д. Гачев, автор работы «Национальные образы мира», создавший целый спектр картин мира, рекомендовал более внимательно относиться к первобытному искусству. «Нам следует пристально взглянуть в древнейшие, еще не расчлененные синкретические явления искусства и выяснить, как рождается из них словесное творчество. Там скрыты многие тайны, хранятся ключи ко многим проблемам художественной деятельности, реальный смысл которых потом будет почти невозможно расшифровать из-за толщи иллюзий и напластований» [1, с. 34]. Гачев отметил, что многие формы и виды синкретических средств описаны в науке, но нужны дальнейшие исследования, поскольку еще недостаточно «понято их содержание, качество и место их в жизни человека на ранних стадиях общества» [1, с. 35]. По его мнению, значимы для раскрытия их размышления А. И. Веселовского в первой главе «Синкретизм древнейшей поэзии и начала дифференциации поэтических родов» работы об исторической поэтике, но они требуют дальнейшего изучения [2].

Под толщей иллюзий и напластований остаются в значительной степени и как процесс эволюции малочисленных народов Севера, именуемых коренными, так и творческий процесс зачинателей и создателей новописьменных и младописьменных литератур, мифопоэтика произведений. Не проявлена, например, в должной мере роль и значимость архетипов.

Архетипами назвал К. Юнг, создатель аналитической психологии, универсальные конструкты человеческой психики, представляющие собой генетически наследуемую структуру накопленного человечеством опыта. Отмечено в процессе изучения, что они нередко ведут себя как некие силы, влияющие на человека, способствующие повторению этого опыта. Появляющийся в жизни конкретного человека в виде образа или ситуации архетип привносит некое собственное влияние, благодаря которому индивид действует «нуминозно», то есть ослепляюще, завораживающе, побуждая порой к определенным поступкам. Мифологические архетипы, укоренившись в той или иной культуре, становятся готовыми исторически сложившимися репрезентативными формами и символами, которые проявляются в фольклоре и литературе, в других видах искусства.

Творчество Рытхэу бессознательно и осознанно связано с мифами, фольклором и имеющим зачатки своего развития эпосом чукотского народа. Их влияние рассматривали в своих работах североведы А. В. Пошатаева [3], Ю. Г. Хазанкович [4], О. К. Лагунова [5], С. А. Комаров [5] и др. Однако остаются без ответа многие вопросы, в частности, связанные с истоками, со становлением образной системы, созданием этнических женских образов в творчестве Рытхэу.

Основная цель проведенного исследования: выявить мифопоэтику женских образов и их архетипическую трансформацию в раннем и позднем творчестве Юрия Рытхэу.

Проявление стратегии творчества чукотского писателя Юрия Рытхэу в процессе становления художественных женских образов в его прозе и поиск ответов на вопросы:

- Как исторический неосознанно-мифологический тип мировоззрения транслирует из древности в современность благодаря нарождающейся литературе конкретно-чувственные образы и ассоциации, перцепции, отличающиеся оригинальной загадочной логикой?

- Как имеющие чаще всего мифологический характер архетипы, заключающие в себе врожденные психические структуры человеческого воображения,

трансформируясь, воздействовали на создание женских образов в прозе чукотского писателя?

Для достижения поставленной цели и ответов на релевантные вопросы осуществлялся поиск решения следующих задач:

- Высветить реальные социокультурные факторы, оказавшие влияние на развитие творческого процесса писателя, осуществлявшегося в условиях двойственной (переходной) идентичности;

- Рассмотреть (проанализировать) архетипические женские первообразы, архетипические сюжеты и мотивы в чукотских мифах, мифологических сказках, раннем эпосе;

- Проследить трансформацию архетипов в прозе писателя, определив их ценностно-смысловое ядро;

- Уточнить их роль в создании символически насыщенных литературных женских образов.

В ходе работы были использованы историко-культурный и герменевтический подходы, системный и сравнительный методы.

Опираясь на исследования К. Юнга [6], а также на юнговскую интерпретацию архетипов С. Аверинцевым, Е. Мелетинским, Кэрл Пирсон, были определены и обоснованы разновидности первичных мифологических элементов, способы трансформации их в произведениях Юрия Рытхэу, которые способны раскрыть личность и понять характер чукотской женщины в его развитии.

С. Аверинцев в статье «Аналитическая психология», рассматривая юнговскую психологию в связи с художественным творчеством, с творческой фантазией, выделил особенности влияния книжной культуры на трансформацию мифа [7]. Е. Мелетинский в работе «О литературных архетипах» связывал их с традициями и обычаями, обрядами разных народов мира, рассматривал их отражение в фольклоре и героическом эпосе, а также в литературе. Так, мотивы инициации, по его мнению, фигурируют в фольклоре с самых ранних времен и включены в темы творения мира и формирования личности героев. Он отметил также, что архетип прохождения героем посвятельных испытаний нередко дает отголоски и в литературе Нового времени [8]. Кэрл Пирсон [9] не только анализировала выделенные Юнгом архетипы, но обозначила и обосновала двенадцать первичных мифологических элементов.

Создавая характер чукотской женщины, воспроизводя мифическую и реальную жизнь и судьбу ее, Рытхэу акцентировал мысль о долгой и богатой истории своего народа, сохранявшего особенности прошлых первобытных форм организации социальной жизни, этнические обряды и верования.

Женские образы в творчестве Юрия Рытхэу: архетип, трансформация, интерпретация

Юрий Сергеевич Рытхэу (1930-2008) – автор прозаических произведений разных жанров (рассказы, очерки, повести романы), а также стихов в начальный период творчества, завоевал широкое признание читателя, привлек внимание к созданным им художественным образам уже после выхода первой своей книги «Люди нашего берега». Свообразную галерею созданных чукотским автором ярких женских этнообразов открыл вошедший в названный сборник рассказ «Тегрынэ летит в Хабаровск». Написанные Рытхэу на чукотском языке шестнадцать рассказов первого сборника были переведены на русский язык (авторизованный перевод) писателем-фантастом, публицистом Александром Семеновичем Смоляном (1909-1979). Следует отметить, что ленинградский писатель стал опытным наставником подающего надежды начинающего чукотского

автора по рекомендации Союза писателей. Смолян позднее сделал авторизованный перевод сборников Рытхэу «Имя человека» и «Чукотская сага», «Повести». Не без его наставничества сам Рытхэу в начале творческого пути обретал опыт переводчика русских классиков на чукотский язык. Начинаящий автор активно занимался переводами на чукотский язык стихов и сказок А. С. Пушкина, рассказов А. П. Чехова, Л.Н. Толстого и ряда других русских писателей, активно участвуя в создании учебных книг на чукотском и русском языках. Позднее Рытхэу сам стал переводить свои произведения и перешел постепенно к созданию их на русском языке.

Отсутствие образцов чукотской литературы значимо восполнила богатая поэтикой и глубокими смыслами, разнообразием форм русская литература.

Этнически окрашенная, наполненная философскими смыслами и мифологическими образами, образами-архетипами русская литература стала своеобразным путеводителем, навигатором как для Рытхэу, так и для многих других зачинателей новописьменных литератур.

О воздействии стихов и сказок А. Пушкина, стихов Лермонтова Рытхэу в сборнике очерков «Под сенью волшебной горы» писал, что благодаря им он познакомился с мировоззрением русского народа, с русской культурой. Здесь же чукотский писатель отметил влияние Пушкина не только на свое творчество, но и на чукотский фольклор. Раскрытое им влияние пушкинских стихов и сказок на знакомый ему с детских лет мир устного творчества чукотского народа является свидетельством особого внимания Рытхэу к фольклору. Он отметил, что персонажи пушкинских сказок стали появляться в исконно чукотских легендах и сказаниях, «мирно соседствуя с волшебными нерпами и моржами, с оленями и белыми медведями. Мертвая царевна-красавица оказывалась в гроте застрявшего айсберга и покоилась не в хрустальном гробу, что было весьма непонятно, а в более понятном ледовом покое» [10, с. 43].

Вспоминая в очерках о восприятии в детские годы рассказов Максима Горького, чукотский автор рассказал, что этот русский писатель стал ему близок своей душой, но еще больше – своими книгами. Называя Горького «своим писателем», Рытхэу уточнял: «Горьковский взгляд, горьковская вера в хорошего человека освещала мне путь через многие трудности в собственном маленьком мире, который всегда велик и всеобъемлющ для каждой отдельной личности» [10, с. 66].

Чукотского прозаика волновали возникшие под влиянием русских писателей, их произведений, литературных и жизненных судеб вопросы становления творчества авторов, рождения литературы. «Творческий акт, особенно акт художественного творчества, – проявление высших способностей человеческого мозга, его натуры, проявление чувственного опыта, накопленного на протяжении многих веков» – размышлял он в очерке «Русское слово» [10, с. 66].

Развивавшийся не без влияния русских писателей, чукотских мифов и фольклора синкретизм прошлого и настоящего, реального и вымышленного в художественном сознании Рытхэу способствовал появлению самобытных, в основном идеальных, женских образов с архетипическим акцентом в его богатой многожанровой прозе.

В одном из рассказов раннего творчества «Тегрынэ летит в Хабаровск», вошедшего в первый сборник «Люди нашего берега», нашла отражение транскulturация, приобщение чукотской молодежи к иной культуре и быту, обретение нетрадиционных профессий. Юная чукчанка Тегрынэ, в числе первых отправившаяся на учебу далеко от родного края, не испугавшись слов родственников, утешавших ее сложностями выживания в незнакомой среде, первым полетом на самолете, отсутствием близких людей, сдержанно и примирительно,

без внешнего проявления эмоций погружается и осваивает новую реальность. Уже в экспозиции рассказа автор выделяет особое восприятие девушкой окружающего мира. Глядя из иллюминатора самолета Тегрынэ задает себе вопрос: «Чья это огромная невидимая ладонь гладит траву на аэродроме? Отпустит на секунду и снова прижмет к земле; пригладит, отпустит и снова пригладит... Это ветер. Но Тегрынэ не чувствует его». Проявленное героиней восприятие окружающего мира свидетельствует об одной из особенностей мифологического мышления тундровички: сопричастие с природой, «оживление» ее. Свойственны героине и сверхвысокая зоркость, позволяющая замечать, различать мелкие детали, вербальная острота зрения и образность мышления.

У девушки эти черты представлены несколько гиперболизированными: так автор подчеркивал ее почти фанатичную увлеченность растительным миром. В школьные годы во время каникул Тегрынэ «не жалея сил» упорно, согласно плану, составленному в зимние дни, собирала четыре коллекции: мхов, ягодников, лекарственных растений и заполярных медоносов. Она разыскивала их по склонам сопки и по берегам ручьев, поднималась на сопки, уходила на много километров в глубь тундры. Тегрынэ попыталась даже заняться собиранием водорослей Чукотского моря. Занимаясь гербарием, она мечтала о садах, которых никогда не видела, о смородине и клубнике, которые будут расти в местах, доступных пока что только морошке, клюкве и заполярной ягоде шикше. Своеобразным символом духовного роста героини, неумной устремленности к знаниям становится лес как воплощение мечты увидеть на Дальнем Востоке и «пообщаться» с реальными, а не виртуальными (на фото, рисунках в книгах и кино) деревьями. Символ жизни и человеческого рода - дерево активно участвует в организации достижения планов героини - пополнить знания о тайнах растительного мира. Архетип «дерево» обретает в рассказе функцию образа-мотива, участвующего в развитии сюжета рассказа. В мифологическом сознании героини представляли порой ожившими даже бревна, из которых были построены некоторые дома в поселке, и электрические столбы. Нередко в ее сознании возникали мистические картинки, как деревья воскресли, встали, пустили корни, оделись листвой. «Целый лес, наверно, получился бы». Увидев из иллюминатора самолета зеленые горы, она всматривается и понимает, что это лес, похожий в ее представлении на сплошное многотысячное стадо каких-то удивительных животных, пасущихся на склонах. «Да, да, все дело именно в этом: темно-зеленая, кудреватая масса почему-то кажется Тегрынэ живой. «Лес» — догадывается Тегрынэ». Она радуется шуму двух берез около студенческого общежития и предполагает, что это они поздравляют ее с приездом.

В рассказе Рытхэу «Тегрынэ летит в Хабаровск» характерным образом-символом, участвующим в создании женского образа, предстает человеческий труд, точнее сущностное свойство человеческого труда в его единичном осуществлении. Речь идет о самодвижении человеческого труда, которое еще Аристотель называл «деятельной формой». Его сущность, целевая причина — в установлении гармонии, единства между человеком и природой. Гиперболизированная автором увлеченность героини растительным миром, ее склонность к бескорыстному труду и стремление к знаниям о природе позволили ему заложить основу для создания идеального литературного образа чукотской женщины, поддержать традицию древних мифов и фольклора. Женщины в чукотском фольклоре - труженицы, сильные не только духом, но и физически, выносливы и терпеливы. Девушки в сказках традиционно проходят соответствующую возрасту подготовку к трудовой деятельности, обучаясь мастерству под зорким наблюдением родителей.

Можно предположить, что на создание Рытхэу образа героини в рассказе «Тегрыне летит в Хабаровск» оказал влияние образ персонажа с этим именем из романа русского писателя Тихона Семушкина «Алитет уходит в горы» [11]. В известном Рытхэу романе предстает девушка со сложной судьбой, трудолюбивая и смелая, не боящаяся опасностей, бунтарка. Тегрыне сбежала к родителям от мужа-обидчика. Сквозь ночь и пургу она преодолевала большое незнакомое ей расстояние. Архетип бунтарки Тихон Семушкин заимствовал из чукотских мифов, а также опыта ряда лет жизни в чукотском краю. Он открывал здесь в двадцатые годы XX века первую школу-интернат.

Роман Семушкина «Алитет уходит в горы», его повесть «Чукотка» а также рассказы и повесть «Восемь племен» В. Г. Богораз-Тана, его научные этнографические материалы «Чукчи» были не только знакомы Рытхэу, но и произвели на него неизгладимое впечатление. В очерках «Под сенью волшебной горы» он вспоминал: «Это было удивительное и непривычное ощущение: такое впечатление, словно я долго смотрю на собственное отражение... Но зеркалом на этот раз служила книга Тихона Семушкина «Чукотка»» [12, с. 78]. Читая книги этих авторов, Рытхэу постоянно пытался отыскать прототипы героев из окружающей его жизни.

В одном из своих очерков чукотский автор высказал свое предположение, что книги Семушкина оказали воздействие и на возникшую у него мысль самому попробовать писать. Он рассказал о встречах с Тихоном Семушкиным во время учебы в Ленинграде, об его участии в редактировании первых рукописных текстов рассказов. «Первые мои рассказы прошли через строгие руки Тихона Захаровича, а все последующие книги неизменно находили у него добрый отзыв или устно, или в печати» [10, с. 100].

След архетипических образов бунтарки и труженицы просматривается в неменьшей степени и в другом раннем рассказе Рытхэу «Отлек» (есть и другое его название при переиздании - «Сегодня в моде пеликены»). Главная героиня рассказа по имени Эмуть, закончив школу-семилетку, не поехала учиться в педучилище, не повлиял на нее и рассказ директора школы о перспективе впоследствии продолжить учебу в Ленинграде, а осталась жить и работать в родном селении. Автор это решение девушки объясняет при поддержке общественного мнения: многие увидели ее вполне разумное желание помочь своим родителям. Уточняя создавшуюся в семье девушки ситуацию, автор ненавязчиво затрагивает проблему сохранения традиций, отсутствия или потери умений и навыков традиционного промысла береговых чукчей. Девушка, продолжая традиции деда, костореза, достигла высокого мастерства благодаря самостоянию, устремленности к продолжению дела предков, заботой, размышлениями о сохранении традиций, обычаях, влиянию мифологических легенд. Она выстраивает свою жизнь самостийно.

Характер архетипа бунтарки проявляется и в поведении Эмуть по отношению к молодому человеку. Понравившийся ей археолог Геннадий из приехавшей экспедиции попросил вырезать из кости моржа для него статуэтку пеликена, в изготовлении которых девушка достигла особого мастерства, умело встраивая в них трудно уловимые черты заказчика. Она же стала втайне от него вырезать вместо пеликена фигурку отлека – редкого на Чукотке тюленя с гривой, за что получил он название северного морского льва. Красоту его прыжка-полета со скалы Эмуть увидела и запомнила с детских лет во время поездки с дедом на лодке. Рытхэу выразительно представил творческий процесс изготовления девушкой скульптуры отлека, описал ее вдохновение, терпение, трудолюбие и выдержку: она часто работала до утра при воспроизведении упругого удлиненного в прыжке тела тюленя. Эмуть мечтала о том, что отлек станет для молодого

человека символом Чукотки и тайным знаком, содержащим выражение ее симпатии к нему. Однако сюрприз не был оценен как желанный, Геннадий откровенно выразил разочарование, не обнаружив при отъезде в протянутой ему коробке пеликена. Обиженная и огорченная реакцией молодого человека, Эмуль, убежав в тундру, долго слушала шум уходящего парохода, увозящего молодого человека и плакала. Но постепенно к вечеру она нашла в себе силы успокоиться, чтобы не обнаружить своих чувств перед окружающими.

Транскультурация пронизывает содержание и этого рассказа. Его герои по-разному воспринимают традиции и обряды. Эмуль избегает их осуждения, пытается постичь истоки их появления и соблюдения. Ей кажется странным внимание как чукчей, так и русских к выточенным из клыка моржа фигуркам пеликена. Все приезжие гости, командированные люди заказывали их у деда и других косторезов. В ответ на ее вопрос о значимости этого популярного божка, Гальматэгин раскрыл его реальную символику. Оказалось, что чукчи издревле воспринимали пеликена как духа, способного помочь избавиться от темных сил. Фигурки пеликена вешали на охотничье снаряжение, чтобы все дурное сосредоточивалось на ней, например, дурные, низкие страсти и желания, болезни. Освободившись от них, человек избавлялся и от фигурки, выбрасывая ее. Слова деда залегли в душу Эмуль, определили иное отношение к пеликенам, повлияли и на ее поступок, который принес личные страдания, стал для нее жизненно важным.

В заключении рассказа Рытхэу подчеркнул главное, что принесла героине эта первая встреча с необычными чувствами зарождающейся любви и страдания: к ней вернулось радостное восприятие природы. И это, естественно, станет, по мнению автора, для героини поддержкой, вдохновением в ее художественном мастерстве.

Образ-символ человеческого труда пронизывает и этот рассказ, как бы продолжая и развивая трансформацию древнего архетипа, появившегося в одном из первых рассказов «Тегрынэ летит в Хабаровск», он становится важной составляющей отражения национального женского характера, своеобразным образцом творческого поиска писателя.

О труде как архетипе, о самодвижении труда, о его роли в развитии сознания Гачев писал: «Человек в этот миг приобщается к царству свободы, ибо он ощущает живую в нем самую полноту человеческого всемогущества» [1, с. 37].

Ссылаясь на В. Г. Белинского, он утверждал, продолжая и уточняя мысли критика, что человек обладает безграничной способностью созидать вещи действительные и воображаемые, справиться с любым материалом, фактом, страданием, мыслью, пронизать их собой и организовать «по закону красоты», создать из них гармонию, всякий жизненный факт события, страдание возвести «в перл созидания» (выражение Белинского) - «вот то содержание, которое черпает из себя формирующая деятельность» [1, с. 38]. По мнению Аристотеля, «деятельная форма», под которой таится не что иное, как человеческий труд - основная категория философии.

Как название рассказа «Отлек», так и описание вдохновенного воспроизведения из кости моржа его фигуры позволяет предположить бессознательное воздействие тотемизма, мифологического образа родства прибрежных жителей с прародителями - морскими животными: тюленями, моржами и китами [13]. В устном чукотском творчестве имеется ряд мифов и легенд о происхождении первых людей в результате брачного единения девушки и кита. Одна из легенд легла в основу произведения, названного при издании современной легендой «Когда киты уходят в море» [14].

Повесть «Когда киты уходят» получила во многом благодаря художественно представленному варианту происхождения человеческого рода и своеобразному

выразительному женскому образу-архетипу первоженщины Нау высокую оценку, широкое признание читателей и была переведена на разные языки России и других союзных республик, а также на многие языки мира.

Прародительница Нау у Рытхэу - дочь Солнца, первая женщина прибрежной чукотской косы. Она произвела на свет благодаря киту Рэу уэленцев, жителей селения Уэлен. Обладая сверхчеловеческими способностями, силой Великой Любви и бессмертием, Нау оберегала людей и китов, устанавливая правила взаимодействия и взаимопонимания, способствующие выживанию рода. Она умела предсказывать будущее, воздействовать на стихийные природные явления, способствовать изобию промысловых зверей, также внедряла любовь, доброту, верность.

То, как формировался мифологический образ Нау – первообраз матери, ставший воплощением одного из образцов авторского идеала женщины, представлено в главе «Нау - дочь Солнца. Чукотская космология» нашей авторской книги «Три мира народов Севера». Здесь отмечено, что Рытхэу уже в начале произведения о прародительнице Нау моделирует первую степень архаической эпикей творения людей. В повести представлен изначальный уровень сознания, когда «жизнь была наполнена спокойствием в восприятии окружающего мира природы, ощущением сопричастия с ней» [15, с. 59].

Прослеживается в повести также вариант становления и постепенной эволюции сознания чукотского этноса.

Образ прародительницы Нау как хранительницы рода присутствует в целом ряде последующих произведений в воспоминаниях автора и героев. Преемницей героини древнего исторического времени, космологического периода в более позднее время у Рытхэу стала героиня Гивэнэу. Ее историческое время – уже период бытования у чукчей религии – шаманизма. Писатель не раз подчеркивал родственную связь с этой героиней, называл ее своей бабушкой, которая благодаря мифам и сказкам пробудила в нем воображение. «Бабушку мою звали Гивэнэут, что означало «Сведущая», «Знающая», «Обретающая известность»», - читаем мы в последней книге, изданной уже после ухода автора из жизни «Дорожный лексикон» [16, с. 107].

Рытхэу удалось создать приближающийся к идеалу многогранный женский образ Гивэнэу, отличающийся синтезом разных архетипов. Образ-архетип наставницы предстает уже в первой повести «Время таяния снегов», он имеет автобиографическую основу. Это мудрая наставница подрастающего поколения, женщина, владеющая запасом практических и трансцендентных тайных знаний об окружающем мире, о природе, имеющая опыт активного участия в организации социальной жизни, при этом сохраняет и внедряет традиции и обычаи предков. Главного героя повести «Время таяния снегов» внука Ринтыну бабушка Гивэнэу терпеливо и умело готовит к первой инициации после достижения семилетнего возраста. У чукчей, как и ряда других народов, например, у ненцев, долган выделены семи-восьмилетние периоды взросления человека. Гивэнэу внушает внуку Ринтыну знания о существующих запретах в разных жизненных ситуациях, заботится о развитии его наблюдательности и приобщает к охотничьему мастерству, отмечая талисманом первые успехи.

Представляя читателю, как создавалась в романе «Последний шаман» история его рода, Юрий Рытхэу уточнял, что не может сослаться на документальные материалы, но «туман древних мифов, которые донесли до нас дух ушедшей в глубь веков жизни» [17, с. 8] рассеивал живыми поступками своих предков. И способствовали этому долгие вечерние повествования знаменитых сказочников, среди которых в числе главных определена его бабушка Гивэнэу.

В романе представлена сложная жизнь и изменчивая судьба героини Гивэнэу с юных лет. Она родилась в семье оленевода. Прожив значительную часть жизни в оленеводческом стойбище, Гивэнэу, проявив упорство, стремясь стать хорошей женой анкальына - прибрежного жителя Млеткина, научилась искусно шить одежду, разделывать и заготавливать моржовое и нерпичье мясо, соблюдала обычаи охотников на морского зверя. Автором отмечены ее художнические способности: она расписывала полированные клыки моржа, изображая картины из легенд. Для своих мальчиков она была заботливой матерью, а для мужа - надежной помощницей. Отношения в семье были проникнуты крепкой взаимной любовью, о которой у чукчей не принято говорить, а проявлять, подкрепляя действиями.

В романе, основанном на автобиографическом материале «В зеркале забвения» о жизни писателя по имени Гэммо и его двойнике Георгии Незнамове, Юрий Рытхэу вспоминает время создания получившего широкое признание произведения о Ките и Первой Женщине Нау. Автор-герой признается читателю, что написал эту названную издателями «современной легендой» повесть на высоком внутреннем подъеме, по-новому взглянув «на богатейшую сокровищницу устного народного творчества арктических народов» [18, с. 313]. Перечитывая книгу, он вспоминает картины жизни в Уэлене, связанные с бабушкой Гивэнэут, например, то, как она ранней весной перед обрядом Опускания Байдар заполняла деревянное блюдо для жертвоприношения. Она тщательно оберегала всю долгую зиму куски оленьего мяса, варила и тонко нарезала их. Будучи участником совершения обряда, увидев, как собаки иногда ловко подхватывали разбрасываемые кусочки и съедали их, мальчик с удивлением спрашивал у бабушки: почему боги отказываются от жертвы. Своеобычно объяснение мудрой Гивэнэут: «У них довольно и мяса, и жира. Но человек, отдавая им самое сокровенное, сохраняемое даже в самые голодные дни, показывает: они, то есть Боги, тоже должны делиться своим последним, точно так же как делает это зависимый во всем от них человек» [18, с. 316].

В одном из последних романов «Скитания Анны Одинцовой» главный герой оленевод Ринто, обладающий способностями шамана, рассказывает сыну о его бабушке Гивэнэу которая прошла все сложные испытания шамана. Чтобы обрести знания об окружающем мире, способность слышать сокровенные слова, ей пришлось пройти через телесные и душевные испытания, жить в одиночестве, скитаясь по тундре. Ринто вспоминает, как она учила его не только видеть, но и понимать окружающую жизнь, следить за движением звезд, облаков, знать приметы изменения погоды, отличать растения, которые полезны человеку и от каких болезней они могут излечить. Гивэнэу рассказывала ему старинные предания, волшебные сказки, легенды о происхождении и подвигах своих предков. «Никто не мог превзойти ее в знании жизненного опыта во врачевании и в предсказаниях. Она считала, что шаман - это служитель не бога, а человека» - утверждал Ринто [19, с. 143].

Автор благодаря воспоминаниям героя характеризует вклад Гивэнэу в создание новых традиций в историю как своего, так и соседнего народа -эскимосов. Много путешествуя, она овладела разными диалектами эскимосского языка и способствовала установлению мира и дружеских отношений между чукчами и эскимосами. Она подала пример, как можно устранить недопонимание между народами, постигая язык и обычаи соседей.

Гивэнэу подобно праматери Нау способствовала установлению и сохранению порядка и гармонии, проявляя терпение и бескорыстие образа-архетипа наставницы, показывая самоотверженный, уживчивый, осмотрительно-охлажденный характер. Архетип матери, защитницы трансформирован Рытхэу как при создании названных героинь, так и целого ряда других женских образов.

В чукотской мифологии присутствуют немало мифов о женщинах созидательницах, а также о женщинах-воинах, мудрых наставницах. В частности, в сборнике «Сказки и мифы народов Камчатки и Чукотки», составленном Георгием Меновщиковым, исследователем фольклора палеоазиатов, представлены мифы и предания «Ловкая женщина», «Ловкие женщины», «Игрушечный народ» (о создании женщиной людей и животных), миф «Кытгы» (созидательница). В предисловии к книге Меновщиков писал, что у разных народов Чукотки и Камчатки героями –творцами, в числе которых часто упоминаются ворон и другие звери и птицы, человекоподобные владыки моря и верхнего мира, присутствует «создающая» женщина (девушка).

О чукотской сильной женщине, которая способна выполнить традиционно мужские сложные задания отца, а также заботиться об установлении мира на земле, повествует записанное и переведенное на русский язык чукотским лингвистом, автором чукотско-русского словаря Петром Инэнликем сказание «Кытгы». В переводе на русский имя Кытгы – «создающая». Для того, чтобы прекратить войны с соседями-кереками, чукотская девушка сначала просит у них спасти ее, потом выходит замуж за керека. Родив девочку, она, убегая от преследующих врагов, стала прятаться в других селениях, выходя замуж и оставляя и там своих новорожденных. Она активно призывала всех при этом к мирной жизни. Когда же она обошла всю землю, то прекратились войны, наступил мир.

Мифическое предание «Игрушечный народ» [20, с. 209-217], широко распространенное у чукчей и азиатских эскимосов, о девушке, создательнице людей, морских животных, оленьих стад, жилищ, записанное в 1948 году исследователем чукотского языка и автором учебных книг П. Я. Скориком в Уэлене от местного жителя Уватагина, было известно Юрию Рытхэу, поскольку вместе с ним участвовал в создании издаваемых в Ленинграде книг для чтения на чукотском языке. Петр Яковлевич Скорик был не только учителем-наставником, но и оказывал поддержку в сложных жизненных ситуациях Юрию Рытхэу.

В чукотском предании под названием «Игрушечный народ», где основные герои не имеют имен, что характерно для некоторых древних мифов и мифических сказок, описаны члены семьи: отец, мать и девушка, которая нарушила обычай подчинения воле отца и отказалась выходить замуж за предложенного им избранника. Отец требует, чтобы дочь покинула ярангу, и она ночью выполняет его волю, взяв с собой целый ряд сакральных предметов, которые названы игрушечными, поскольку нередко использовались детьми в качестве игрушек. Среди них были моржовые, нерпичьи и оленьи зубы, косточки и кусочки китового уса. Взяла она с собой и отцовские гарпун с копьем. Непринятая на поселение как нарушительница обычая в ряде мест, девушка решила воспользоваться сакральными предметами на узкой прибрежной морской косе и создать животный мир, разбросав их со словами-заклятиями в море и на песке. Появились нерпы и киты в море, моржи на лежбище на песке, в тундре – олени. Из камня и дерна построила она землянки, а два камня превратила в людей – мужчину и женщину, два других поменьше – в девочку и мальчика, а из двух побольше появились два сильных и больших мужчины. Населив землю Утэн, девушка обнаружила, что потратила много сил и превратилась в старушку. Новоявленные жители стали называть ее бабушкой. Архетип «мудрая старушка», присутствующий в произведениях Рытхэу, фигурирует в классификации юнгианских аналитиков.

Определение «ловкая» в чукотских мифах многозначно, так названы женщины, наделенные богатырской и чудодейственной силой и мудростью, отображающие, по мнению составителя сборника Г. Меновщикова, явления периода матриархата. Хотя, возможно, предполагал фольклорист, в мифе «Ловкие женщины» присутствует

уже поздний его период, начало перехода к патриархату. В этом мифе, переведенном одним из первых чукотских лингвистов Петром Инэнликэем, две сестры не только пасут стадо оленей, но и сражаются с врагами. Перед нами архетип женщины-воина. В предисловии Меновщикова «Об устном повествовательном творчестве народностей Чукотки и Камчатки» писал: «Мифические предания о «создающей женщине», подобные преданию «Игрушечный народ» в результате трансформации этого вида устного творчества при постепенном изменении условий социальной жизни его носителей утрачивали мифологическую основу и перерастали в волшебные сказки» [20, с. 31].

В процессе создания необычных, близких к идеальному женских образов Рытхэу использовал как мифы и предания, так и этнографические материалы своих учителей-наставников лингвистов и фольклористов Петра Скорика, Льва Беликова, а также работы этнографа и историка Владимира Богораза. Во многих произведениях Рытхэу в создании этнообразов, образов с архетипическим акцентом участвует вера этноса в силу магических формул, произнесением которых издревле сопровождалось большинство действий. Этому способствовали как «Чукотские рассказы», повесть «Восемь племен» так и этнографический материал Вэипа-пишущего человека (так называли чукчи Богораза), изложенный в двухтомном труде «Чукчи». В книге «Под сенью волшебной горы» Рытхэу писал, что он знаком с работами Вэипа с детства и постоянно возвращался к ним. «Имя Владимира Германовича Богораза, имевшего литературный псевдоним Тан, было мне известно с детства. Я держал в руках составленный им «Чукотско-русский словарь», листал его книгу «Чукчи», в которой было собрано все, что мог изучить и систематизировать один человек».

Богораз-Тан в пятой главе «Магия» и шестой «Переводы заклинаний» второго тома книги «Чукчи» [21] познакомил читателей с разнообразием заклинаний, сопровождавших человека в течение всей жизни. Ученый отметил, что во многих заклинаниях упоминаются «Старые женщины» времен «Первого творения». Иногда они называются «Женщинами заклинаний», причем подчеркивается, что их действия благожелательны и благотворны по отношению к людям. У приморских чукчей заклинания обеспечивают счастливый исход охоты на морского зверя. Богораз обратил внимание на то, что чукотские женщины считаются более искусными в заклинаниях, чем мужчины.

Как первая женщина Нау, так и Гивэнэу, и шаманка Пээп в книге «Дорожный лексикон» и ряд других героинь произведений Рытхэу сочетают в себе наряду с другими архетип женщины-мага. Сила слова и заклинаний, песен-заклинаний этих женщин благотворно действует на окружающих, на тех, кому они стараются оказать помощь или избавить от болезней. В «Дорожном лексиконе» Рытхэу описывает случай из своего детства, когда фельдшер не смогла справиться с его болезнью, а шаманка Пээп «вытащила» хворь, используя при этом песню-заклинание под звуки ярара (бубна). Он, находясь в яранге с шаманкой наедине, периодически то погружался «в какой-то странный сон», то терял сознание. Исполнение завершилось воздействием заклинания: «Песня, в которой невозможно было разобрать слова, вливалась в меня, вытесняя тьму и вливая в меня силу» [16, с. 465].

Автора удивляли результат и сила воздействия слова, хотя слова оставались непонятыми больным мальчиком. Одной из причин непонимания мог быть женский язык, на котором в те годы разговаривали чукотские женщины. О сложностях восприятия женского языка и обучения как чукотской, так и русской грамоте чукотских девочек писал Т. Семушкин в повести «Чукотка». Им отмечено, например, что чукотские женщины никогда не употребляют звука «р» и если мужчины говорят «карэм» (нет), то женщины то же слово выговаривают «кацэм». При

обучении девочек, если приходилось им произносить необычный звук «р», то они «смушались и, краснея, закрывали лицо рукой». Когда занятия по изучении азбуки вовсе осложнились, учителя стали использовать непедагогический прием - подкуп сладостями. Как связано появление «женского» языка с эволюцией чукотского этноса? Этот значимый для духовного развития вопрос остается без ответа.

Постижение тайны, смысла, значимости Логоса как первообраза и первоисточника в литературах народов Севера предполагает поиск новых подходов и определение этнометодологии их постижения.

Древний миф был для народов-мифотворцев и формой самовыражения, и формой мышления, и формой жизни, стал основой и поэтического творчества, заложив метафизические законы и конструкты его эволюционного развития. Самобытная загадочная логика, конкретно-чувствуемые образы и ассоциации, трансформируясь, оказали воздействие как на развитие устного творчества, так и на становление образной системы письменной литературы.

Заключение

Используя комплексный подход, соединяющий мифопоэтические и жанрово-системные приемы анализа содержательных аспектов произведения и интерпретации, историко-культурный, компаративистский, биографический методы в процессе исследования процесса становления женских образов в творчестве Юрия Рытхэу удалось проявить значимые истоки и способы создания им мифоподобных образов и символов, позволивших представить читателю этнообраз идеальной женщины.

Создавая уже первые яркие и выразительные образы девушек в рассказах, Рытхэу акцентировал внимание на их смелость и решительность в поисках новой истины, на трудолюбие и сострадательность - качества сильного Эго, обретающиеся обычно в физическом и духовном странствии, в познании мира.

В женских образах бессознательно проявилось традиционное отношение чукотского писателя к предкам, в первую очередь, к прародительнице, созидательнице рода.

В своих произведениях Рытхэу придерживался точки зрения о важности возрождения женского начала в общественной жизни, опирался на партнерскую модель гетерогенных отношений.

Опора Рытхэу на историко-этнографический материал, использование мифов, фольклорных и эпических памятников прошлого в условиях отсутствовавшей у народа письменности повышает уровень этнической достоверности создаваемой писателем модели мира и образов. С другой стороны, созданные писателем литературные художественные образы, в том числе женские образы-архетипы, сконструированные на основе древних чукотских мифов, старинных легенд, содержащих зооантропоморфную модель истории первых людей на его родовой территории становятся бесценным вкладом в исследование как прошлых первобытных форм организации социальной жизни, этнических обрядов и верований, так и в изучение тайн литературного творческого процесса.

Соединяя, сопрягая мифологическое с обыденностью реальной действительности, Рытхэу создавал сознательно и бессознательно новые мифы о мужестве быть и духовном развитии своего народа, развивая чукотскую литературу.

Л и т е р а т у р а

1. Гачев Г.Д. *Жизнь художественного сознания. Очерки по истории образа*. Москва: Искусство; 1972:200.
2. Веселовский А.Н. *Историческая поэтика*. Москва: Высшая школа; 1989:404.

3. Пошатаева А.В. *Литературы народов Севера* (Истоки. Становление. Развитие. Москва: Наука; 1988:168.
4. Хазанкович Ю.Г. *Эпические традиции в прозе коренных малочисленных народов Арктики*. Монография. Москва: Флинта; 2019:416.
5. Проза Еремея Айпина: этномифологический ракурс историческая поэтика. Москва: Наука; 2023:384.
6. Юнг К.Г. *Аналитическая психология*. Москва: АСТ; 2020:310.
7. Аверинцев С.С. «Аналитическая психология» К.Г. Юнга и закономерности творческой фантазии. *Журнал «Вопросы литературы»*. 1970;(3):313-343.
8. Мелетинский Е.М. *О литературных архетипах*. Москва: РГГУ; 1994:134.
9. Пирсон Кэрл. *Пробуждение внутреннего героя. 12 архетипов, которые помогут раскрыть свою личность и найти путь*. Пер с англ. Москва: МИФ; 2024:480.
10. Рытхэу Ю.С. *Под сенью волшебной горы. Путешествия и размышления*. Сборник. Ленинград: Сов. Писатель; 1974:327.
11. Семушкин Т.Г. *Алитет уходит в горы*. Москва: Молодая гвардия; 1950:416.
12. Семушкин Т.Г. *Чукотка*. Москва: Сов. писатель; 1954:426.
13. Рытхэу Ю.С. *Отлек. Сияние Севера. Сборник рассказов народов Севера*. Москва: Сов. писатель; 1978:431.
14. Рытхэу Ю.С. *Когда киты уходят. Полярный круг*. Ленинград: Сов. писатель; 1983:438-515.
15. Жулева А.С. *Три мира народов Севера. Литературные образы*. Москва: Филинь; 2020:394.
16. Рытхэу Ю.С. *Дорожный лексикон*. Санкт-Петербург: Звезда; 2010:520.
17. Рытхэу Ю. *Последний шаман*. Роман. Санкт-Петербург: Звезда; 2004:456.
18. Рытхэу Ю.С. *В зеркале забвения*. Роман. Санкт-Петербург: Звезда; 2001:400.
19. Рытхэу Ю.С. *Скитания Анны Одинцовой*. Санкт-Петербург: Звезда; 2003:368.
20. Меновщиков Г. *Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки*. Москва: Наука; 1974.
21. Богораз В.Г. *Чукчи*. Ч. 2: Религия; Ленинград: Изд-во Главсевморпути; 1939:196.

References

1. Gachev G.D. *The life of artistic consciousness*. Essays on the history of the image. Moscow: Publishing house "Art"; 1972:200 (in Russian).
2. Veselovsky A.N. *Historical poetics*. M.: Higher school; 1989:404 (in Russian).
3. Poshataeva A.V. *Literature of the peoples of the North* (Sources. Becoming. Development. Moscow: Nauka Publ.; 1988 (in Russian).
4. Khazankovich Yu.G. *Epic traditions in the prose of the indigenous peoples of the Arctic*. Monograph. Moscow: Flint Publishing House; 2019:416 (in Russian).
5. The prose of Yeremey Aypin: an ethnomythological perspective and historical poetics. M.: Nauka; 2023:384 (in Russian).
6. Jung K.G. *Analytical psychology*. Moscow: AST; 2020:310 (in Russian).
7. Averintsev S.S. "Analytical psychology" by K. G. Jung and the patterns of creative fantasy. *Journal "Questions of Literature"*. 1970;3:313-343 (in Russian).
8. Meletinsky E.M. *About literary archetypes- pah*. M.: RGGU; 1994:134 (in Russian).
9. Carol Pearson. *The awakening of the inner hero. 12 archetypes that will help you discover your identity and find your way*. Translated from English: MYTH; 2024:480 (in Russian).
10. Rythkhu Yu.S. *Under the shadow of a magical mountain*. Travels and reflections. Collection. L.: Sov. Writer; 1974:327 (in Russian).
11. Semushkin T.G. *Alitet goes to the mountains*. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ.; 1950:416 (in Russian).
12. Semushkin T.G. *Chukotka*. Moscow: Sov. writer; 1954:426 (in Russian).

13. Rytikhau Yu.S. *Otlek. Radiance of the North. Collection of short stories of the peoples of the North*. Moscow: Publishing house "Soviets. the writer"; 1978:431. pp. 8-27. L: The Owl. The writer, 1983. pp. 438-515 (in Russian).
14. Rythau Y.S. When the whales leave. *Polar Circle*. L.: Sov. Writer; 1983:438-515 (in Russian).
15. Zhuleva A.S. *Three worlds of the peoples of the North. Literary images*. M.: Filin; 2020:394 (in Russian).
16. Rytikhau Yu.S. *The road lexicon*. St. Petersburg: Magazine "Zvezda"; 2010:520 (in Russian).
17. Rythau Yu. *The last shaman*. Roman. SPb.: Magazine "Zvezda"; 2004:456 (in Russian).
18. Rytikhau Yu.S. *In the mirror of oblivion*. Roman. St. Petersburg: publishing house of the magazine "Zvezda"; 2001:400 (in Russian).
19. Rytikhau Yu.S. *The Wanderings of Anna Odintsovo*. SPb.: Magazine "Zvezda"; 2003:368 (in Russian).
20. Menovshchikov G. *Fairy tales and myths of the peoples of Chukotka and Kamchatka*. Comp., preface. and note by G. A. Menovshchikov. Moscow, Nauka Publ.; 1974 (in Russian).
21. Bogoraz V.G. *Chukchi*. Part 2: Religion, L.: Glavsevmorput Publishing House; 1939:1969 (in Russian).

Сведения об авторе

ЖУЛЕВА Альбина Сергеевна – к. пед. н., с. н. с. отдела литератур народов России, ФГБУН «Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН», г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-7734-5187>, SPIN: 4326-5871, AuthorID: 710213, e-mail: aszhuleva@mail.ru

About the author

Albina S. ZHULEVA – Cand. Sci. (Pedagogy), Senior Researcher, Department of Literatures of the Peoples of Russia, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-7734-5187>, SPIN: 4326-5871, AuthorID: 710213, e-mail: aszhuleva@mail.ru

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 05.05.26

Поступила после рецензирования / Revised 22.05.26

Принята к публикации / Accepted 24.06.26